
К проблеме психологии сознания*

В.Ф. ПЕТРЕНКО

В статье обсуждаются методологические проблемы исследования сознания. Утверждается, что, несмотря на то что сознание есть ключевая проблема философии и психологии, степень продвижения в понимании механизмов его функционирования близка к нулевой. Тем не менее психология в рамках теории личностных конструктов и психосемантики достаточно продвинулась в описании содержания сознания субъекта, его картины мира, других и себя. Дается рабочее определение сознания как вторичного восприятия мира в знаковой форме.

Methodological issues of consciousness exploration are discussed in the present article. It is stated here that despite the fact that consciousness is a key problem of philosophy and psychology the extent of progress in conceiving the mechanisms of its functioning is close to nothing. However psychology, within the theory of personal constructions and psychosemantics succeeded in a description of a subject's consciousness, of its world view, of the others and of itself. The operational definition of consciousness as a secondary perception of the world in symbolic form is given.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сознание, психосемантика, теория личностных конструктов, первичные и вторичные качества, квантовая теория, причинность, синхронистичность.

KEYWORDS: consciousness, psychosemantics, theory of personal constructions, primary and secondary qualities, quantum theory, causality, synchronism.

*Не вливают также вина молодого в мехи ветхие;
а иначе прорываются мехи, и вино вытекает.*

Матф. 9:17

Проблема сознания была и остается стержневой проблемой как философии (Б. Спиноза, Р. Декарт, И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель, К. Маркс, А. Бергсон, Э. Мах, А.А. Богданов, Л. Витгенштейн, Ауробиндо, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Д. Деннет, Дж. Серл, М. Велманс, М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, В.С. Стёпин) и культурологи (О. Шпенглер, Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич), так и психологической науки (В. Вундт, Э. Титченер, У. Джеймс, Ж. Пиаже, Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия). В философии проблема сознания выступает той связующей нитью,

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, грант № 08-06-001-176а.

на которую нанизываются драгоценные философские перлы: древнегреческая философия, буддизм, средневековая схоластика, английский эмпиризм, немецкая классическая философия, марксизм, русский православный экзистенциализм, учение венской логической школы, аналитическая философия, конструктивизм.

Проблеме сознания посвящены тонны словесной руды, но удивительно мал, как любил выражаться А.Н. Леонтьев, «сухой остаток»: сознание интенционально (т.е. направлено на объект), культурно-исторически обусловлено, связано с языком и реализуется мозговым субстратом (в первую очередь неокортексом, но при участии других структур мозга); оно – высшая форма психического отражения и саморегуляции; сознание диалогично и выступает как внутренний диалог, т.е. как автокоммуникация. Вот, пожалуй, и всё резюме психологического изучения сознания. Гора родила мышь. В изучении сознания исследования подменяются мнениями или мнениями о мнениях. Проблематика сознания становится самодостаточной областью, где рассуждения о природе сознания одних мыслителей становятся питательной почвой для построений других в отсутствие специфического метода для исследования сознания. Здесь стоит оговорить, что сознание – термин полисемантический, имеющий множество значений. О сознании говорится и как о способности ощущать и чувствовать (ср.: “потерять сознание”, “быть без сознания”) и как о присущей человеку способности категоризовать некую информацию и вносить ее в целостную понятийную систему (тезаурус) знаний о мире – “осознавать” или “понимать”.

Если иметь в виду изучение сознания как исследование его содержания, здесь имеются значительные подвижки: культурно-историческая концепция [Выготский, Лурия 1993; Асмолов, 1996], изучение исторического менталитета (Школа Анналов; [Шпенглер 2009; Тойнби 2003; Лотман 2000; Гуревич 1972; Шкуратов 1997], анализ социальных представлений [Бергер, Лукман 1995; Московичи 1998; Андреева 2005; Емельянова 2006], анализ обыденного сознания [Келли 1963; Келли 2000; Петренко 1983; Петренко 1988; Петренко 2005^a; Петренко, Митина 1997; Шмелев 2002; Улыбина 2008]. Имеются теоретические обзорные работы, посвященные сознанию [Акопов 2006; Акопов 2007; Зинченко 1991; Зинченко 2007; Хант 2004; Деннетт 1996; Серл 1997; Чалмерс 1995; Велманс 2000], отечественные теоретические работы, связывающие проблематику сознания с проблемой понимания [Знаков 2007^a, Знаков 2007^b], со сценарием жизненного пути личности [Абульханова-Славская 2009], с отбором и селекцией информации сознанием [Аллахвердов 2000; Аллахвердов 2003], а также посвященные взаимосвязи сознания и мозга [Чуприкова 1985].

Несколько в стороне от академической психологии богатый феноменологический материал измененных состояний сознания даёт трансперсональная психология [Гроф 2002; Уилбер 2004; Минделл 2004; Козлов, Майков 2004; Тарт 2003; Фрейдджер, Фейдимен 2008; Хант 2004]. Но это — проблематика содержания сознания, а его механизмы остаются во многом terra incognita. Под психологическими механизмами мы понимаем не нейрофизиологические процессы, изучаемые нейро-когнитивными науками. Как раз в области изучения мозга, hardware (“железа”, пользуясь компьютерной метафорой), с изобретением томографии и подобных технологий всё более или менее успешно. Исследования ведутся широким фронтом. Речь идет именно о психологических механизмах, в рамках компьютерной метафоры, software (программном обеспечении). Подобное познается подобным.

Применительно к изучению психологических механизмов сознания, помимо теории деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1975] и падежной грамматики Ч. Филмора [Филмор 1981], отсутствует даже понятийный аппарат для описания структуры и феноменологии сознания. Причину этого “психологического застоя” для отечественной психологии (да и для западной, вследствие влияния бихевиоризма, с его стимульно-реактивной парадигмой, выводящей сознание за рамки психологии) я вижу в инерции старых методологических установок, сводящих сознание к простой функции копирования (отражения) так называемой “объективной”, т.е. существующей независимо от наблюдателя, действительности. В западной философии эти методологические установки выступают под именем “корреспондентной теории истины” [Касавин 2001], в отечественной – под именем “теории отражения” (иногда определение бывает расширено – “ленинской теории отра-

жения”). Критика этих методологических установок была мною дана в ряде статей по конструктивизму [Петренко 2002; Петренко 2005^б; Петренко 2008]. Здесь же отметим, что то, с чем имеет дело человеческое сознание (так называемая “объективная действительность”), является сложной конструкцией, включающей в себя знаковые, языковые конструкты, ценностные установки, превращённые формы культурно-специфических форм мышления и тому подобное. То есть в той модели мира, которую житейское сознание, наивный реализм или ортодоксальный материализм склонны рассматривать как объективную реальность, имплицитно присутствуют и особенности самого этого сознания, конструирующего модель. Поэтому надо отказаться от представления о предмете познания, существующем независимо от сознания познающего, и перейти к иной системе понятий, включающей позицию наблюдателя, его систему отсчета, его систему категорий. “Нельзя вливать молодое вино в старые мехи...” Так и решение “вечных проблем”, к которым относится тематика сознания, требует обновления всей системы понятий, всего понятийного тезауруса, на языке которого описывается эта проблематика.

На смену изживающим себя понятиям – “объективная действительность”, “социальная реальность” – приходят новые понятия, такие как: “жизненный мир” [Рубинштейн 1997; Василюк 1995], “возможные миры” [Хинтиikka 1980; Асмолов 1996], “ментальные пространства” [Величковский 2006], “семантические пространства” [Келли 2000; Осгуд и др. 1972; Петренко 2005^а; Петренко 2005^б; Шмелев 2002; Супрун и др. 2007], “смысловые миры личности” [Петровский 2008], где позиция пристрастного, обладающего системой ценностей и личным смыслом субъекта включена в саму психологическую онтологию. В этом плане психологическая наука на данном этапе своего развития как никогда нуждается в методологическом переосмыслении своих основ, в выдвижении кардинально новых моделей и гипотез. Это в первую очередь касается проблемы сознания. Системный, целостный характер самого объекта изучения – сознания – на мой взгляд, делает малопродуктивным путь его эмпирически-поэтапного познания. Мы с помощью слов (терминов) расчлняем единое сознание, “множим сущее без нужды”, нарушая принцип “бритвы Оккама”, а затем ищем корреляции этих псевдосущностей (ощущения, восприятия, мышления, памяти и т.п.). Возникают “теоретические” вопросы типа: как сознание связано с мышлением? или вниманием?

Научное развитие этой области, на мой взгляд, нуждается в “восхождении от абстрактного к конкретному” [Гегель 1970–1972; Давыдов 1972], не в верификации отдельных эмпирических фактов, а в проверке следствий, вытекающих из теоретических построений. Чтобы охватить целостность изучаемой сверхсложной реалии, неизбежно приходится заниматься теоретическими спекуляциями и использовать метафорический язык. Мне кажется правомочным задавать наивные вопросы и выдвигать шокирующие гипотезы. Как-то на семинаре атомных физиков в Нью-Йорке Нильс Бор, заслушав доклад молодого ученого, сказал: “Конечно, это безумная теория. Но достаточно ли она безумная, чтобы быть верной?” Когда читаешь труды физиков, изучающих космологию или квантовую физику, то удивляешься их интеллектуальной раскрепощённости и смелости, а также метафоричности их языка: “черные дыры” и “кротовые норы”, “темная материя”, “кварки” и “теория струн”, “симметрия” и “цветность” элементарных частиц, их “аромат” и “странность” и т.п. Психологи же ведущего сейчас, старшего, поколения, с их опасливой оглядкой на прошлую идеологию, выглядят в сопоставлении с физиками благонамеренными обывателями, придерживающимися устоявшихся взглядов. (Я говорю о профессиональных психологах, а не о множестве расплодившихся “психологов”-шоуменов, взявшихся ниоткуда доморощенных “экспертах” и плохо образованных “мыслителях” эзотерически-мифологического толка, национал-патриотах от психологии и геополитики и прочих “специалистах”. Этим и вправду “море по колено”, и отчасти понятна и оправдана охранительная тревога и научный консерватизм профессионалов.)

При понимании жизненного мира как означенного и осмысленного пространства бытия человека сознанию отводится конструктивно-порождающая роль. Оно рассматривается не как копирующая одномерная “прокладка” между субъектом и действительностью, а как сложнейшая многомерная и многоуровневая открытая эволюционирующая система

(пожалуй, самая сложная из всех рассматриваемых наукой систем), порождающая новые смысловые миры. Сознание – “космический странник” – находится на острие творческой эволюции Вселенной. Не исключено, что человеческое сознание задействовано в пластах более высоких уровней сознания, и мы способны улавливать отблески космического разума. В конце концов, нашей человеческой цивилизации по космическим масштабам отроду нет и одного дня. Вселенная же существует миллиарды лет. Когда я читаю студентам лекции по проблемам сознания, то напоминаю один впечатляющий факт – наш организм содержит атомы углерода и металлов, которых нет в плазме Солнца. Там только водород и гелий. Все элементы тяжелее водорода – продукты взрыва сверхновых звезд: выгорая, они коллапсируют и сжимаются до объема немислимой плотности и состояний сверхвысоких температур, а затем взрываются, выбрасывая в космос преобразованную материю. Планеты нашей солнечной системы возникли из этой звездной пыли. В нашем сердце стучит пепел погасших звезд. И, может быть, мы наследники эволюционирующей Вселенной не только, так сказать, в материальном плане?

Гипотеза о предшествующих формах существования жизни и разума не менее научно корректна, чем гипотеза об уникальности и единичности земной жизни и цивилизации. Так, применительно к проблеме возникновения жизни существует гипотеза “панспермии” (Гюйгенс; см.: [Аксенов 2001]); т.ж.: [Вернадский 1978; Крик 2002; Панов 2007], согласно которой эстафета передачи жизни в виде молекулярных структур, на базе которых возникают её простейшие формы, осуществляется посредством странствующих космических тел (комет, метеоров). Сознание, понимаемое широко, как способность ощущать, переживать, чувствовать, т.е. как качество, присущее, в той или иной степени, всем живым существам, также может быть рассмотрено как имеющее космическое происхождение. В своих фоновых формах оно может выступать камертоном Вселенной, эволюционируя и дифференцируясь в земных условиях к уровню связанного с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то “братьев по разуму” можно искать, не только запуская в космос радио-зонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного. Именно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практик суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали “многообразие религиозного опыта” (в терминологии У. Джеймса). Практики науки и религии здесь сближаются, и история религии проникнута опытом “пиковых” состояний сознания [Маслоу 2008; Фрейджер, Фейдимен 2008; Шлиц и др. 2007], на научное осмысление которых выходит психология. “Не следует ли нам предположить, – полагает В. Франкл, – что над человеческим миром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее, “сверхсмысл” которого только и может придать смысл всему человеческому страданию? Человек может постичь сверхмир не больше, чем животное из своей среды может понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии – в вере” [Франкл 2008, 42].

Представление о предсуществовании космического сознания содержится в индуизме. Индивидуальное сознание (Атман) является частью (искрой божьей) целостного океана космического сознания (Брахмана), с которым сливается после смерти. В рамках этих представлений единое интегральное сознание предшествует индивидуальному. Интегральное выступает как некоторый базисный фон, как “несущая волна”, на основе которой моделируется более дифференцированно-индивидуальное. У. Джеймс [Джеймс 1997] сравнил взаимосвязь индивидуальных сознаний с образом корневой деревьев, которые переплетаются в подземной тьме, или с дном океана, который соединяет острова друг с другом. “Подобным же образом, – пишет он, – существует и континуум космического сознания, в которое как в материальное море погружены наши разделенные умы” (цит. по: [Карпенко 1992]). Индивидуальное сознание ограничено, по-видимому, из-за возможной перегрузки и нервных срывов при адаптации к окружению. Самосознание, механизмы самоидентичности при таком понимании отсекают, ограничивают индивида от чужого сознания, чужих переживаний (иногда прорывающихся, возможно, в

феноменах телепатии, дежавю, синергий, синхроничности). На такую трактовку интегрального сознания также хорошо ложится гипотеза Б.Ф. Поршнева [Поршнев 1972] о причине возникновения многообразия естественных языков как следствии контрсуггестии, вызванной необходимостью отделиться барьером собственного языка от чужеродных влияний.

К истории методологии психологии

Как старая телега, медленно и со скрипом отечественная психология разворачивается на дорогу новой постнеклассической методологии [Стёпин 2000; Стёпин 2003; Лекторский 2001; Микешина 2008], предусматривающей включение субъекта познания (как индивида, научного сообщества, так и всего общества в целом) через его систему ценностей, мотивов, познавательного инструментария, языка и (я бы добавил крамольное суждение относительно трудно операционализируемого параметра) через уровень его собственной энергии – в построение образа, модели или картины мира, которую классическая наука рассматривает как собственно онтологию.

В классической науке, методология которой восходит к Галилею, Ньютону, Бэкону, позиция субъекта, наблюдателя выводится за рамки научной фактологии, и представляется очевидной бессмыслицей включать в расчеты кинематики и механики эмоционально-мотивационное состояние наблюдателя или предполагать различие физических законов для разноразных исследователей. В рамках классической науки утвердилось понятие независимой от субъекта познания “объективной действительности”, “социальной реальности”, которые и должны быть объектом изучения в естественных и гуманитарных науках.

Идеалом классической науки может выступать лапласовский детерминизм, где, исходя из знания физических законов и определенных на данный момент времени координат, направления вектора движения атомов (понимаемых как механические тела) и их энергии (импульса), можно высчитать как все последующие, так и предыдущие состояния Вселенной, и тем самым описать на любую временную глубину будущее и прошлое. Чудеса, как физически не детерминированные события или возможность что-либо изменить вне физических действий в этом мире (например, через обращение в молитве к Богу и его последующее вмешательство в ход событий), в рамках классической науки не допускаются. Вполне логичным является ответ Пьера-Симона Лапласа Наполеону Бонапарту на его вопрос о месте Бога в лапласовской космологии: “Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе”.

Благодаря классической науке с ее методологией рациональности и детерминизма, европейская, христианская цивилизация, а затем и весь остальной мир совершили промышленную революцию, значительно увеличили как число обитателей земного шара, так и общую продолжительность жизни населения, дав ему невиданный уровень жизни и комфорт. В гуманитарной области рационализм предлагал построение общества, основанного на разуме, где действуют объективные социальные законы, познание которых и следование которым гарантируют успешность развития и процветание общества, и где свобода понимается “как осознанная необходимость” следования этим объективным законам. В отечественной психологической науке также, согласно классическим воззрениям, утверждалось положение, что “вся история психологии есть борьба за детерминизм” [Петровский, Ярошевский 1994], и что задача любой науки (в том числе психологии) изучать то, что “существует на самом деле” [Аллахвердов, 2005]¹. Отметим, что детерминистические модели классической науки оказались весьма успешными в изучении определенных областей психического (в области психофизики, изучения процессов восприятия, отчасти памяти, демонстрируя гораздо более скромные успехи в области психологии мышления, т.е. процессов, связанных с интериоризацией – усвоением перцептивных эталонов, стереотипов, когнитивных схем и т.п.), ценой фактического отказа от научного рассмотрения таких феноменов человеческой психики как воля, фантазия, творчество, которые выпадали из парадигмы детерминизма.

Познание того, что существует “на самом деле”, отводит сознанию только роль более или менее успешного копировальщика, отражающего “объективную реальность”. Не случайно, что в речах политиков и в массовом сознании про психологию вспоминают только в контексте объяснения неких социальных или личностных аномалий, и ей отводится роль некоего субъективного, искажающего фактора действия “объективных социальных законов”. Согласно “ленинской теории отражения” (корреспондентной теории истины), наши познавательные конструкции соответствуют (т.е. корреспондируют) самой действительности, существующей независимо от познающего субъекта. Такой точки зрения “наивного реализма” придерживается большая часть человечества, а также большинство – сошлёмся на мнение Х. Патнэма [Патнэм 2002] – не искущённых философией учёных.

Но есть ли вообще эта “объективная реальность”, существующая независимо от познающего субъекта? Еще Дж. Локк в XVII в. ввёл понятие первичных и вторичных качеств. Мы воспринимаем сахар сладким и белым. Но белизна, как и сладость – вторичные качества, обусловленные наличием специфических рецепторов наших органов чувств. Мир наполнен красками, звуками, запахами, но все эти качества производны от органов восприятия субъекта. Физика не “знает” красного, но описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты), которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение. Физика не “знает” ни звуков, ни запахов, а описывает соответствующие процессы как колебание воздуха или распространение частиц вещества. Епископ Беркли при обосновании бытия Божьего использовал в качестве аргумента его существования необходимость в ком-то, кто поддерживает многообразие красок мира, в то время, когда человек спит. А современный психолог Р. Грегори [Грегори 1970], продолжая эту мысль, нарисовал парадоксальную картину состояния Земли еще до появления на ней жизни. Земная кора еще не остыла. Вулканы исторгают из своего чрева огромные куски материи. Они летят вверх и низвергаются (привычно было бы написать: с грохотом). Но все это происходит в полной тишине, ибо нет существа, способного это слышать (студенты на моей лекции дополнили это замечанием, что все это происходит в полной темноте, ибо некому все это и видеть). Но, по большому счету, мы вообще не можем нарисовать какую-либо картину прошлого, не включив в нее потенциального наблюдателя. “Быть – значит быть наблюдаемым”, – полагал епископ Беркли.

От первичных качеств, выделяемых Дж. Локком, у И. Канта остались только пара: протяженность (пространство) и длительность (время), но и те – не как характеристики объекта, а как априорные категории сознания субъекта. Тем не менее классическая физика сохраняла представление о времени и пространстве как объективных, т.е. независимых от наблюдателя, первичных качествах действительности (в частности, в форме мирового эфира). Однако с созданием теории относительности А. Эйнштейна рухнул и этот бастион объективности [Борн 2000]. Оказалось, что размер наблюдаемого объекта зависит от скорости движения объекта по отношению к системе отсчета, в которой находится наблюдатель. И чем ближе скорость объекта к скорости света, тем короче объект (или эталонный метр) для наблюдателя (измерителя). Время также оказалось не абсолютной, а зависимой от наблюдателя величиной. Более того, сама последовательность двух событий на временной оси (“временная ось” – понятие классической физики) оказалась инвертируемой и для разных наблюдателей, так как временная последовательность двух событий может быть диаметрально противоположной в зависимости от позиции наблюдателя. Эти феномены, нарушающие картину привычного, стабильного, “классического” мира, проявляются при пространствах космических масштабов, при огромных энергиях и скоростях.

Но и микромир величин субатомных, бесконечно малых, выявил, по мере его постижения, не меньшие парадоксы, выбивающие почву у наивного реалиста, верящего в “объективную действительность”, независимую от субъекта познания. В начале прошлого века физики дискутировали о том, является ли микрочастица (например, электрон) частицей или волной. В пользу частицы говорил, в частности, фотоэффект (описанный Эйнштейном), когда попадание света на поверхность металла вызывало появление электрического тока в дискретных (квантовых) порциях. В пользу волны свидетельствовали эффекты дифракции, когда поток микрочастиц (например, электронов), проходя через ряд

отверстий в преграде (дифракционную решетку), образовывал картину наложения волн (так называемую интерференционную картину). На основе интерференционных картин с помощью лазерного излучения в дальнейшем стало возможно создавать голографические фотографии, а затем на основе этой метафоры была выдвинута голографическая модель памяти [Прибрам 1980; Талбот 2008]. Дискуссия о природе микрочастиц была завершена тогда, когда Э. Шредингер опубликовал свое известное уравнение, описывающее положение электрона в пространстве как плотность вероятности его распределения в том или ином месте пространства. То есть вместо четкой локализации исследуемой микрочастицы предлагалась вероятность ее появления в той или иной области пространства, а сама частица (или волна) выступала своеобразным кентаврическим образованием, обладающим свойствами как волны, так и частицы. Основание нашего материального мира покоится, таким образом, на зыбкой вероятностной основе. Например, конкретное время распада единичного атома радиоактивного вещества принципиально не предсказуемо в широком временном диапазоне, хотя всегда можно точно определить (срабатывает вероятностная модель) временной период полураспада (половины массы) этого вещества.

Тем самым от мира классической науки с жестким детерминизмом относительно проявления и предсказания единичного события атомная физика перешла к изучению закономерностей течения процессов для больших ансамблей однородных элементов или же вероятностным моделям состояний единичного объекта (частицы). При этом позиция наблюдателя, в рамках квантовой физики, оказалась позицией соучастника самих процессов. “Если ограничиться очень краткой формулировкой, то особенность квантовой механики (точнее, квантовой физики, включая релятивистскую), отличающая ее от всей остальной физики, состоит в том, что процесс измерения в ней не удается представить как вполне объективный, абсолютно не зависящий от наблюдателя, воспринимающего результат этих измерений. Ещё упрощая, скажем, при описании квантовых измерений (по крайней мере, при попытках сделать такое описание логически полным, замкнутым), приходится вводить в это описание не только измеряемую систему и прибор, но и наблюдателя, точнее его сознание, в котором фиксируется результат измерения” [Менский 2005, 414].

Поясним эту мысль на примере так называемой редукции волновой функции, связанной с переходом от потенциально возможных траекторий частицы (“ещё не ставшему бытию” на языке буддийской философии), заданных вероятностно, к конкретной реализации в виде конечной координаты. Как пишет выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург в предисловии к статье М.Б. Менского: “В известном дифракционном опыте электрон проходит через щели и затем на экране (фотопластинке) появляется “точка”, т.е. становится известно, куда попал электрон. Появление “точки” есть, очевидно, результат взаимодействия падающего электрона с материалом фотопластинки. Главная особенность квантовой механики заключается в том, что она предсказывает, вообще говоря, лишь вероятностные события. Конкретно в дифракционном опыте квантовая механика предсказывает распределение “точек” на экране или вероятность попадания электрона (т.е. появление “точки” в любом месте экрана). Такая ситуация является отражением корпускулярно-волнового дуализма, т.е. того факта, что электрон (или, конечно, какая-нибудь другая микрочастица) – это не “материальная точка” классической физики, движущаяся по какой-то определенной траектории. Если описывать состояние электрона после его взаимодействия с атомами в фотопластинке с помощью волновой функции, то эта функция будет, очевидно, отлична от первоначальной и, скажем, локализована в “точке” на экране. Это и называют обычно редукцией волновой функции” [Менский 2005, 414]. Одна из особенностей квантового измерения состоит в том, что квантовую систему невозможно измерить, т.е. получить какую-либо информацию о ней, не возмущив при этом ее состояния, причем тем сильнее, чем больше информации извлекается при измерении. Из так называемой теоремы Белла и опытов Аспекта на материале феноменов Эйнштейна–Подольского–Розена (содержание которых мы рассмотрим ниже) следует то, что “неверным оказывается привычное (и обязательное в классической физике) представление о том, что свойства, наблюдаемые при измерении, реально существуют еще до измерения, а измерение лишь ликвидирует наше незнание того, какое именно свойство

имеет место. При квантовых измерениях, т.е. при достаточно точных измерениях квантовых систем, это не так: свойства, обнаруженные при измерении, могут вообще не существовать до измерения” [Менский 2005, 418]. “Обычное для классической физики понимание реальности, которая познается при измерениях, не имеет места в квантовой физике. В некотором смысле при квантовом измерении реальность творится, а не просто познается! По сути дела, это означает, что классическое понимание реальности вообще никогда не бывает правильным, хотя в некоторых случаях, при достаточно грубых измерениях, классическое понимание реальности не приводит к заметным ошибкам, т.е. является довольно хорошим приближением” [Там же, 419].

Фундаментальной особенностью мира, описываемого квантовой физикой, является его целостность и взаимосвязанность, выходящая за рамки классического детерминизма. “Чем глубже мы проникаем в субмикромир, – пишет Ф. Капра [Капра 2008, 30], – тем больше убеждаемся в том, что современный физик, как и восточный мистик, должен рассматривать мир как систему, состоящую из неделимых, взаимодействующих и пребывающих в непрестанном движении компонентов, причем неотъемлемой частью этой системы является и сам наблюдатель”. Можно проиллюстрировать эту идею целостности и взаимосвязи единого мира на примере феномена Эйнштейна–Подольского–Розена, который заключается вот в чём. Характеристики пары частиц (например, спин), возникших при распаде одной частицы (и разнесенных в пространстве на любое расстояние), при принципиально не определенных измерениях их состояний взаимосвязаны следующим образом: определение направления спина одной из частиц приводит к тому, что синхронично спин другой частицы оказывается противоположным по направленности. Подчеркнем: вне зависимости от расстояния между этими частицами! Таким образом, феномен Эйнштейна–Подольского–Розена нарушает физический принцип локальности (и причинности), согласно которому события, происходящие в одной части Вселенной, не могут непосредственно влиять на события в другой части Вселенной.

“Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной. Складывающееся в результате в физической теории положение дел представляется мне весьма далеким от удовлетворительного. Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории... почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим с виду миром, который мы наблюдаем” [Пенроуз 2008, 464]. Эйнштейн же выразил проблему целостности и взаимосвязанности Вселенной в метафорически гротескном вопросе: влияет ли на Вселенную, на процессы космогенеза то, что на нее смотрит мышь? Представление о целостности Вселенной, являющейся одной большой системой, где событие, произошедшее в одной ее части, может повлиять (не в плане классической причинности, а как одновременный синхронный отклик) на происходящее в другой ее части, даёт намек на возможные принципы, лежащие в основе механизмов таких загадочных психологических феноменов (о которых и говорить-то в благопристойном академическом обществе не принято), как телепатия, ясновидение [Богданов 2002; Шапарь 2008], феномен синхронии [Юнг 2003].

Известный физик и математик Роджер Пенроуз в своей получившей мировое признание книге “Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики” [Пенроуз 2008] описывает исследования американского ученого Стюарта Хамероффа о возможности вычислений, происходящих в микротрубочках цитоскелета клетки. По мнению Р. Пенроуза, феномен сознания тесно связан с физическими процессами, происходящими на квантовом уровне и реализуемыми этими самими микротрубочками, которые на микроскопическом уровне выступают как “клеточные автоматы”. Выдающийся физик Р. Фейман в свое время доказал, что гамильтоновы “клеточные автоматы”, под характеристики которых подпадают микротрубочки С. Хамероффа, могут осуществлять вычисления любой сложности [Малинецкий 2008]. Но важно подчеркнуть, что Пенроуз не сводит сознание к вычислительным процедурам, а объясняет неопределенность и спонтанность,

исследовашуюся в виде феномена инсайта в гештальтпсихологии, через редукцию волновой функции, осуществляемую микротрубочками Хамероффа. Будущее науки покажет верность или ошибочность поиска физических коррелятов сознания в функционировании клеточных цитоскелетов. Вполне возможно, что представлениям Хамероффа и Пенроуза уготована судьба “животных духов” Декарта (бегавших в его модели рефлекса по полым нервам и осуществлявших передачу команд от мозга к эфферентным органам), и они останутся в истории науки о сознании как пример мифотворчества. Но, в любом случае, как модель Декарта задала правильную научную парадигму, где современная наука только заменила “животных духов” на электрические импульсы-спайки, так и соображения Пенроуза о квантовой природе физических коррелятов сознания и феномене редукции волновой функции как механизме спонтанности и произвольности останутся базовой парадигмой представлений о физических основаниях механизма сознания.

Проблема редукции волновой функции, т.е. сведение множества потенциальных состояний к одному-единственному, не имеет объяснения непосредственно в квантовой физике, а представляет собой констатацию некоей непосредственной данности [Белокуров и др. 2000]. Аналогичной тому, почему существуют гравитационные силы или слабые взаимодействия частиц. Такова природа мироздания. Объяснение механизма редукции, по мнению достаточно большого числа физиков (Д. Девитт, Д. Уиллер и мн. др.), лежит вне пределов квантовой физики. И одну из версий, прямо затрагивающую психологическую науку, предложил Х. Эверетт [Эверетт 1983]. Сам Эверетт называл ее интерпретацией квантовой механики, основанной на понятии относительного состояния (*relative state interpretation*), однако после работ Уиллера и Девитта ее стали называть многомировой интерпретацией (*Many-worlds interpretation*). Это название связано с тем, что концепция Эверетта допускает существование множества классических реальностей или классических миров, производных от состояний сознания наблюдателя. То есть проблему объяснения редукции волновой функции как перехода от потенциальной множественности возможных состояний (траекторий) к конкретному значению из совокупности рассматриваемых Эверетт видит во влиянии сознания наблюдателя (интерпретатора), которое и осуществляет переход от потенциальной реальности, описываемой волновой функцией, к одному из возможных “классических миров”. Каждый классический мир (мир классической физики. – *В.П.*) представляет собой лишь одну проекцию квантового мира. “Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя, тогда как сам квантовый мир (на мой взгляд, что-то вроде кантовской “вещи-в-себе” – *В.П.*) существует независимо от какого бы то ни было наблюдателя” [Менский 2005, 424].

Представление о сознании как факторе, осуществляющем переход от множественности потенциальных возможностей “еще не ставшего бытия” к непосредственно наблюдаемой реальности, предложенное в квантовой физике Х. Эвереттом, Р. Пенроузом, М.Б. Менским, может быть генерализовано на проблематику психологической науки и применено к человеческой жизни и судьбе, где статус реальности достигается только после категоризации и интерпретации. Поскольку как жизнь, так и ее интерпретация непрерывны, подчас мало предсказуемы и противоречивы, осмысленный целостный рассказ о судьбе личности – нарратив – возможен только после смерти его прототипа². Пока мы живы, Жизнь, Судьба нам непрерывно поставляет новые встречи, варианты разных сюжетов, из которых мы проживаем минимальное число из возможных вариантов. Наша жизнь, как полагает писатель А. Моруа, – сплошные обрывки завязок сюжетов без развязок, кульминаций без окончания, неоконченных или даже не начатых романов. И тем не менее жизнь – не нагромождение случайных событий, по типу броуновского движения в мире хаоса. Обладая свободой воли и сознанием, человек отчасти сам формирует, выбирает и конструирует свое жизненное пространство, выбирая друзей и врагов, профессию и место жительства, круг интересов и форм самореализации, область духовных поисков и веры. Как в модели ветвящихся цепей Маркова, каждый выбор в точке бифуркации того или иного жизненного пути изменяет наше жизненное пространство (жизненный мир), ведет к тому, что миром, судьбой или Господом Богом нам предлагаются новые потенци-

альные возможности, присущие именно данному жизненному миру. Говорят, “от тюрьмы и сумы не зарекайся”, – и всё же вероятность такого жизненного сценария выше, скажем, для криминального авторитета или диссидента-правозащитника, чем для благонамеренного обывателя. Сознание, осуществляя непрерывный выбор из потенциально возможных вариантов, способно создавать цепочки маловероятных событий, ведущих к результатам, вероятность которых также ничтожна, и, как следствие этого, – к образованию сложных негэнтропийных систем. В этом плане сознание выступает как функциональный орган свободы и творчества.

Для реализации негэнтропийных процессов требуется энергия, и творческий процесс возможен только при достаточно высоких энергетических уровнях сознания. Что такое психическая энергия – особый, чрезвычайно важный и мало разработанный вопрос [Юнг 2008]. Тем не менее ряд исследователей выстраивают уровни сознания, исходя из степени активации ретикулярной формации. Акцентируя значимость энергетического аспекта, В.В. Козлов называет сознание “активным, открытым пространством энергии, которое наполняет реальность смыслом, отношением и переживанием” [Козлов 2005, 7]. В.А. Богданов пишет о том, что помимо людей, обладающих высокой психической энергией, “наблюдения зафиксировали также психотип людей с высокой чувствительностью к экстраординарным событиям (“ходячие сейсмографы”), хотя сами они сильной пси-энергией могут и не обладать. В этот ряд укладывается и известный психологам тип людей, “сгущающих” вероятность несчастных случаев и аварий вокруг себя. Последние события воспринимаются как вполне естественные, и только специальный анализ может выявить их синхроничность” [Богданов 2002, 43]. В качестве иллюстрации этих представлений приведу пример из собственной жизни. Летом 1996 г. я занимался йогой в Крыму, на мысе Казантип, под руководством известного тренера, переводчика и писателя Андрея Сидерского. Пустынный, покрытый разнотравьем берег моря как нельзя лучше подходил к занятиям йогой и медитацией, которые мастерски проводил Сидерский, а ночное небо с дорожкой Млечного Пути и яркими звездами создавало ощущение присутствия вечного. Группа подобралась весьма интересная, и профессиональный астроном читал нам по ночам лекции под куполом этого природного планетария. Я чувствовал, как нарастает во мне внутренняя сила, и было очень жалко преждевременно уезжать, не закончив весь цикл тренировок. Дело в том, что мне надо было перебраться в Таганрог, где я должен был выступать на конференции с пленарным докладом. Уезжать очень не хотелось – я физически ощущал незавершенность своего тренинга – но не хотелось и подводить коллег.

Итак, я собрался уезжать и выбрался из степи в ближайший город, из которого надо было добираться до железнодорожной станции. По пути на автостанцию я зашел на телефонный узел, и, не понятно по какому наитию, позвонил в свою лабораторию в Москву. Дело было летом, время отпускное, и вероятность застать кого-нибудь была практически нулевая. Тем не менее трубку взял мой сотрудник, случайно оказавшийся в лаборатории, и сообщил, что встретил другого коллегу, который сказал, что конференция в Таганроге отменяется из-за того, что забастовали железнодорожники. (Сейчас, осмысливая этот случай, жалею, что не проверил информацию, все-таки железнодорожники не каждый день бастуют.) Тем не менее я, довольный, вернулся на нашу степную базу и рассказал о случившемся Андрею Сидерскому. Тот не удивился, а сказал, что это достаточно типично – когда человек находится на энергетическом подъеме, то события складываются по благоприятному для него сценарию. Чуда, конечно, не произошло. В том, что я застал коллегу на работе, а он, в свою очередь, случайно узнал от другого коллеги об отмене конференции, нет ничего экстраординарного. Да и железнодорожники очень редко, но, бывает, бастуют. Случайное стечение обстоятельств, скажет вдумчивый читатель. И будет прав. Ничего чудесного, нарушающего физические или социальные законы, не произошло. И всё же! Почему я вижу в этом руку Провидения? Оправданием этого пространного рассказа будет, по крайней мере, фиксация (на моем примере) того, что в человеческом сознании есть некий механизм, селективно придающий высокую значимость и личностный смысл единичному случаю.

Жизненный мир как форма бытия человека

Люди, находящиеся в различных жизненных мирах, могут пересекаться и взаимодействовать только отчасти. Мерность жизненного мира, размерность смыслового пространства одного человека может значительно превосходить когнитивную сложность другого, и духовные реалии первого просто не будут существовать для второго, хотя эти люди могут взаимодействовать на уровне физических тел (столкнувшись друг с другом), взаимодействовать как биологические организмы (передав друг другу, скажем, вирусы гриппа), взаимодействовать как социальные существа, реализующие социальные роли (например, продавца и покупателя) и т.п. Жизненный мир как категория человеческого бытия включает и понятие психологического времени. Это иллюзия, что мы живём в едином пространстве-времени. “Ни год, ни месяц, ни час, ни секунда одного человека никогда не равны году, месяцу, часу, секунде другого, если это реальное время, как не равны начало и конец, час человеческой молодости и час человеческой старости. Это всегда разное, по-разному связанное, и по-разному определённое и распределённое время, по-разному наполненное и по-разному опустошённое” [Трубников 1987, 21].

Ещё более разительно отличаются жизненные пространства животного и человека. Животное погружено в непосредственную окружающую природную экосистему и, если это животное стадное, то в свою “социальную среду”. Временная глубина индивидуальной памяти животного весьма ограничена (оно не рефлексивует свое прошлое и не предвидит будущее). Животное – раб настоящего и существует “здесь и сейчас”. Но я всё же не сторонник объяснять поведение животного врожденными рефлексивами. Это понятие физиологии высшей нервной деятельности, объясняющее на уровне физиологического субстрата механизмы поведения. Если мы остаёмся в рамках психологии (или зоопсихологии), то должны понять (прочувствовать) “сознание”, “картину мира” животного – те эмоциональные состояния, те психологические установки, можно даже сказать, те “архетипы коллективного бессознательного”, присущие биологическому виду, которые стимулируют животное поступать так или иначе.

Человек за счет языка, знаковых репрезентаций, кино, телевидения, Интернета чрезвычайно расширяет свой жизненный мир. Как пишет А.Р. Лурия в книге “Язык и сознание”, за счет языка мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, человек “может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами... Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром” [Лурия 1979, 37]. При этом разные языки – это “не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его”, – полагает В. Гумбольдт [Гумбольдт 1984, 9], вводя в этом контексте важное понятие языкового сознания народа. Позицию В. Гумбольдта разделяет видный лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ, соглашаясь с мнением Гумбольдта, что “каждый язык есть своеобразное мировидение” [Бодуэн де Куртенэ 1963]. В дальнейшем эти идеи вылились в теорию лингвистической относительности Сепира–Уорфа [Брутян 1969; Васильев 1974; Коул, Скрибнер 1977; Слобин, Грин 1976]. Можно сказать, что у людей, говорящих на одном языке, есть определенные инварианты мировосприятия, инварианты форм категоризации мира, себя и других людей, хотя системы ценностей этих людей могут разительно отличаться.

Различные языки создают разные жизненные миры различных культур, но работами Дж. Келли [Келли 1963; Келли 2000] и его последователей убедительно показано, что, помимо национально специфических форм категоризации, существуют и индивидуальные формы категоризации в виде “личностных конструктов”, которые специфицируют сознание индивида и его жизненный мир. Близкие представления об опосредующей роли значения при восприятии и осознании мира развивали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия. Работы наших учителей хорошо известны отечественному психологу. И хочу в контексте проблемы построения жизненного мира акцентировать здесь только одно из

фундаментальных исследований А.Н. Леонтьева о так называемой кожной чувствительности [Леонтьев 2000]. Леонтьев показал, что ранее не ощущаемый (ощущение я трактую как одну из форм сознания, присущую как животным, так и человеку. – В.П.), биологически нейтральный, или, как его называет Леонтьев, абиотический раздражитель (в исследовании Леонтьева свет, падающий на ладонь испытуемого и не ощущаемый им) начинает вызывать ощущения (“как будто бабочка коснулась крыльями”), если он несет для испытуемого сигнальную функцию. Такой сигнальной функцией в эксперименте Леонтьева являлось то, что световой стимул предшествовал по времени удару электрическим током. Испытуемый, ощутив воздействие, мог отдернуть руку, избежав болевого удара.

Важнейшим теоретическим и методологическим результатом данного исследования явилось положение о том, что субъективная представленность раздражителя (света) и активность самого субъекта воздействия (знание испытуемым о том, что удару тока предшествует некое воздействие и его можно избежать, почувствовав это воздействие и отдернув руку) является необходимым условием образования условного рефлекса. Эксперимент А.Н. Леонтьева имел в пятидесятые годы прошлого столетия огромное методологическое значение в споре с физиологами, изучающими высшую нервную деятельность, как доказательство того, что сознание не эпифеноменально. Ведь, как показали опыты Леонтьева, само образование их базового объекта изучения (условного рефлекса) необходимо требует субъективного переживания стимула, его феноменальной представленности субъекту³. Эксперименты А.Н. Леонтьева имеют важное следствие и в другом аспекте – в аспекте построения образа мира. Нейтральные абиотические раздражители, не несущие сигнальную функцию, организмом просто не воспринимаются, и, соответственно, не входят в картину мира субъекта. Жизненный мир животного ограничен его потребностями, но тем сложнее, чем более многообразна, сложна его жизнедеятельность.

Человеческий жизненный мир, помимо природного окружения, включает в себя и виртуальный мир человеческой культуры, опосредованной языковым сознанием. И.П. Павлов писал о первой и второй сигнальных системах, Л.С. Выготский в своих ранних работах трактовал сознание как “рефлекс рефлексов”. Не вдаваясь в критику этих представлений, можно сказать, что в представлении сигнала (у Павлова) или знака как орудия (у Выготского) делается акцент на самом сигнале или теле знака (его плане выражения, в терминах Ф. де Соссюра), в то время как более поздними работами Выготского показана опосредующая роль его значения (плана содержания, в терминах Ф. де Соссюра). Значения же существуют в системе значений и активируют всю целостную систему сознания человека. Говорить о знаке как о единичном стимуле не совсем корректно, и термин “рефлекс”, даже в его психологической трактовке, содержательно слишком узок. Но в упомянутых выше экспериментально-теоретических разработках И.П. Павлова и Л.С. Выготского содержится важная идея уровневости сознания: это наличие первой и второй сигнальной системы у Павлова [Павлов 1951] и натуральных и высших психических функций у Выготского [Выготский 2005]. При этом оба автора характеризуют второй уровень сознания как связанный с языком, с языковыми значениями.

В наших совместных исследованиях с В.В. Кучеренко был открыт интересный феномен генерализации “запрета видеть объект” на другие объекты, семантически связанные с запретным. Испытуемым, находившимся в третьей стадии гипноза (когда испытуемый может с открытыми глазами перемещаться по комнате и разговаривать, не выходя из гипнотического транса) давалась команда-внушение, что, выйдя из гипноза, они не будут помнить ничего с ними происходившего и не будут видеть некий “запрещенный” объект. В наших исследованиях это были, например, сигареты, и тогда испытуемый на просьбу экспериментатора пересчитать лежащие на столе предметы, “не видел” не только сигареты, но и не замечал пепельницу, полную окурков, спички или зажигалку. В последнем случае испытуемый мог видеть зажигалку и вертеть ее в руках, говоря: “Какой-то цилиндр, наверное, тюбик от валидола”. То есть в некоторых случаях испытуемый видел зажигалку, но забывал ее предметную функцию, связанную с курением. Мы берем слова “не видит” в кавычки, так как, если “запрещенный” предмет был достаточно громоздким (как, например, лыжи в одной из серий), то испытуемый, перечисляя предметы, лежащие

на столе, обходил торчащие из-за стола концы лыж. Просьба экспериментатора описать запрещенный объект вызвала у испытуемых затруднения. Например, когда я спросил у испытуемого (самого курящего): “А что такое курить?”, – то он начал вспоминать осеннюю поездку “на картошку” (осенние полевые работы), куда направляли в советское время студентов в помощь селу. “Там были мужики, – пояснил он, – которые чего-то жевали и плевали. Наверное, это они курили”. Просьба представить табачный киоск и то, что там продается, вызвала у испытуемого затруднения это сделать: “Газетный киоск могу представить, овощной могу, а табачный не получается”. В ответ на прямое внушение экспериментатора: “Ты можешь это представить, что же там продается?”, испытуемый вспомнил о расческах, талончиках на бензин и т.п., но так и не вспомнил о сигаретах и табаке. После прямого обращения к нему с протянутой в руке сигаретой: “На! Возьми сигарету”, испытуемый впал в глубокий транс. То есть наблюдался тот же эффект вхождения в трансовое состояние при нерешаемых или парадоксальных ситуациях, используемых для наведения транса в НЛП (нейролингвистическом программировании), буддийских коанх или в христианских притчах, что исследовалось, например, в диссертации [Мухелишвили 1994]. Феномен генерализации запретной инструкции на объекты, семантически связанные с запретным объектом, сходен с феноменом, лежащим в основе методики семантического радикала А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой [Лурия, Виноградова 1971], где генерализация оборонительной реакции на объекты, семантически связанные с подкрепляемым ударом электрического тока объектом (у Лурии и Виноградовой таким объектом было понятие “скрипка”), позволяет выделить семантические поля некоей содержательной области. По мысли А.Р. Лурии, динамические процессы, происходящие в этих семантических полях на основе связей значений, задают процесс мышления, осуществляемый на девяносто процентов на неосознаваемом уровне.

В процессе наших исследований влияния постгипнотической инструкции на картину мира испытуемого мы столкнулись в ходе проведения эксперимента с ярким индивидуальным случаем (или case study). В зимней психологической школе, где студенты из Научного студенческого общества проводили свои зимние каникулы, отдыхая и работая вместе с преподавателями, мы с В.В. Кучеренко проводили эксперимент с использованием гипноза. Жили студенты по два человека в комнате и, когда мы договорились с одним из студентов об участии в эксперименте, его сосед попросил разрешения присутствовать и наблюдать происходящее. Согласившись на присутствие этого студента в качестве наблюдателя, мы сделали его (дав в гипнозе соответствующую инструкцию испытуемому) “невидимым” для испытуемого. Эксперимент, где испытуемый в трансовом состоянии заполнял матрицу данных, длился довольно долго, и студенту-наблюдателю надоело ждать его окончания. Решив, что, раз он невидимый, то может заняться своими делами, не мешая ходу эксперимента, студент включил электробритву и стал бриться, готовясь к вечерней студенческой дискотеке. Наш испытуемый, дотоле спокойно заполнявший матрицу данных, буквально извелся. Он не мог понять источник этих дребезжащих звуков. (Ведь, сделав с помощью гипнотической инструкции его соседа “невидимым”, мы не сделали его “неслышимым”.) Он сделал несколько полушагов к источнику звука. Сосед испуганно вскочил с кровати, где он сидел. Однако испытуемый не попытался пройти сквозь “невидимого” соседа. Он остановился в нескольких сантиметрах от него и вошел в более глубокое трансовое состояние, чем было до этого. Этот яркий случай заставил нас глубоко задуматься над тем, что же видит испытуемый. Если бы он просто видел “запретного для видения” товарища, держащего в руках электробритву, то вряд ли бы ее звуки вызвали у него такое сильное недоумение. Такого специально не сыграешь. Но если он не видел соседа, то почему остановился и не попытался пройти сквозь него?

Анализ поведения испытуемых, которые “не видят” запрещенный объект, но обходят его, не “протыкают”, указывая жестом на другие предметы, позволил нам выдвинуть гипотезу о том, что испытуемые воспринимают “запрещенный” объект на уровне первой сигнальной системы, но не осознают его, так как у них заблокированы системы значений, связанные с запретной семантической областью. То есть видят, но не осознают. Проведенный с испытуемым ассоциативный эксперимент на проблематику, связанную с запрет-

ной темой, показал, что из ассоциативного потока выпадают пласты лексики, непосредственно связанные со значением “запрещенного к видению” объекта. Так, при запрете “видеть сигареты” в ассоциативном эксперименте на тему “студенческая вечеринка” никто не вспомнил ассоциации, связанные с курением, а в ассоциативном эксперименте на тему “зимняя прогулка” никто из испытуемых не назвал ассоциаций, связанных с “запретным” объектом “лыжи”. Другими словами, гипнотическая инструкция как бы временно вырезала (или блокировала) из вербального сознания значения, семантически связанные с “запрещенным” объектом.

Психика живого организма устроена системно и иерархически. И работа более поздних эволюционных центров не отменяет, а дополняет работу центров, эволюционно более ранних, более поздние центры надстраиваются над более древними [Бернштейн 1990]. Как, например, протопатическая чувствительность пальца в эксперименте Д. Хебба (см.: [Лурия, 1969]) сохранялась после перерезки им у себя соответствующего нерва, т.е. при нарушении более поздней и тонкой нервной чувствительности оставалась в сохранности более древняя и менее дифференцированная протопатическая чувствительность.

Аналогичные уровневые отношения, видимо, присущи и механизму сознания. Можно смотреть (не осознавая), ощущать (воспринимать нечто) и быть готовым к некой поведенческой реакции на воспринятый объект – это один уровень отражения (в данном случае этот термин вполне уместен). И можно осознавать воспринимаемое, опосредуя воспринимаемое его системой значений, целостно включенной в тезаурус языкового сознания – это другой уровень. По мысли Л.С. Выготского, знаковая опосредованность, произвольность и осознанность тесно взаимосвязаны, и в его работах выступают фактически как разные аспекты единого процесса осознания. Так в книге “Мышление и речь” он за критерий осознанности значения (понятия) берет способность испытуемого дать определение – ввести анализируемое слово в систему отношений, в контекст других значений. Благодаря активации целостного языкового тезауруса мы потенциально можем воспринимать (осознавать) объект на любую глубину сознания, доступную данной языковой культуре или, осуществляя анализ и синтез элементов образа, порождать образы фантазии [Чуприкова 1985].

Идея того, что сознание знаково опосредовано, восходит еще к Гегелю и может быть выражена следующим образом. В ощущении, переживании, эмоциях нет гносеологической расчлененности, нет объекта и субъекта, они слиты в едином переживании. Например, когда я провожу рукой по поверхности стола и чувствую ее гладкость – это одновременно и характеристика текстуры стола и мое переживание. И только тогда, когда я называю ощущение, эмоцию, переживание словом (в нашем случае словом “гладкое”), я совершаю процесс их отчуждения от моей непосредственной чувственности. В этой противопоставленной, отчужденной от субъекта знаковой форме мои ощущение, переживание, эмоция становятся доступны коммуникации (как внешней, так и внутренней – автокоммуникации [Лотман 2000]) и тем самым осознанны⁴.

Учитывая все вышесказанное, можно дать рабочее определение сознания, понимая, что мы в состоянии затронуть только один, пусть и важный аспект этой открытой, многомерной и сверхсложной системы. Сознание можно трактовать как процесс вторичного восприятия объекта в превращенной знаковой форме и введения соответствующего объекту значения в систему отношений с другими значениями языкового тезауруса. Чем большее число связей и опосредований включается воспринимаемый объект-значение, тем выше его осознанность⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская 2009 – *Абульханова-Славская К.А.* Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. № 1. С. 32–43.
- Агафонов 2003 – *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб., 2003.
- Акопов 2006 – *Акопов Г.В.* Проблема сознания в российской психологии. Отечественная платформа. Самара, 2006.

- Акопов 2007 – *Акопов Г.В.* Проблема сознания в современной психологии. Зарубежные подходы. Самара, 2007.
- Аксенов 2001 – *Аксенов Г.П.* Причина времени. М., 2001.
- Аллахвердов 2000 – *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- Аллахвердов 2003 – *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Аллахвердов 2005 – *Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 1. С. 44–65.
- Андреева 2005 – *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2005.
- Асмолов 1996 – *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
- Асмолов 2002 – *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
- Белокуров и др., 2000 – *Белокуров В.В., Тимофеевская О.Д., Хрусталева О.А.* Квантовая телепортация – обыкновенное чудо. Ижевск, 2000.
- Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бернштейн 1990 – *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М., 1990.
- Богданов 2002 – *Богданов В.А.* Фибры души. СПб., 2002.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 – *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Борн 2000 – *Борн М.* Основы теории относительности. М., 2000.
- Брутян 1969 – *Брутян Г.А.* О гипотезе Сепира-Уорфа // Вопросы философии. 1969. № 1.
- Васильев 1974 – *Васильев С.А.* Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.
- Василюк 1984 – *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
- Василюк 1995 – *Василюк Ф.Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. № 5. С. 104–114.
- Величковский 2006 – *Величковский Б.М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2 т. М., 2006.
- Велманс 2000 – *Velmans M.* Understanding consciousness. London, 2000.
- Вернадский 1978 – *Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978.
- Выготский 1982 – *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982.
- Выготский 2005 – *Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения / *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2005.
- Выготский, Лурия 1993 – *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М., 1993.
- Гегель 1970–1972 – *Гегель Г.* Наука логики. М., 1970–1972.
- Грегори 1970 – *Грегори Р.* Глаз и мозг. М., 1970.
- Гроф 2002 – *Гроф С.* Холотропное сознание. М., 2002.
- Гумбольдт 1984 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Давыдов 1972 – *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972.
- Деннетт 1996 – *Dennett D.C.* Kinds of minds: toward an understanding of consciousness. N.Y., 1996.
- Джеймс 1993 – *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
- Джеймс 1997 – *Джеймс У.* Воля к вере. М., 1997.
- Емельянова 2006 – *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
- Зинченко 1991 – *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Зинченко 2007 – *Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии. Самара, 2007.
- Знаков 2007^а – *Знаков В.В.* От исследований понимания субъектом мира к психологическому анализу понимающего себя бытия / Психологический журнал. 2007. № 6. С. 101–110.
- Знаков 2007^б – *Знаков В.В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. № 3. С. 65–74.
- Капра 2008 – *Капра Ф.* Дао физики. М., 2008.
- Карпенко 1992 – *Карпенко М.* Universum Sapiens (Вселенная Разумная). М., 1992.
- Касавин 2001 – *Касавин И.Т.* Истина как норма. Истина как дескрипция. Истина, дескрипция и экспертиза / Новая философская энциклопедия. М., 2001.

- Келли 1963 – *Kelly G.A.* The theory of personality. The psychology of personal constructs. N.Y., 1963.
- Келли 2000 – *Келли Дж.* Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб., 2000.
- Козлов 2005 – *Козлов В.В.* Сознание как предмет психологии // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2005. Вып. 2. С. 7–16.
- Козлов 2008 – *Козлов В.В.* Расширенное состояние сознания: творчество и игра // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2008. № 1. С. 10–18.
- Козлов, Майков 2004 – *Козлов В.В., Майков В.В.* Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М., 2004.
- Коул, Скрибнер 1977 – *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
- Крик 2002 – *Крик Ф.* Жизнь как она есть, ее зарождение и сущность. М., 2002.
- Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Леонтьев 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев 2000 – *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты / *Лотман Ю.М.* Семiosфера. СПб., 2000.
- Лурия 1969 – *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. М., 1969.
- Лурия 1971 – *Лурия А.Р.* Психология как историческая наука. М., 1971.
- Лурия 1979 – *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лурия, Виноградова 1971 – *Лурия А.Р., Виноградова О.С.* Объективное исследование динамики семантических систем / Семантическая структура слова. М., 1971.
- Малинецкий 2008 – *Малинецкий Г.Г.* Синергетика, нелинейность и концепция Роджера Пенроуза / [Пенроуз 2008].
- Маслоу 2008 – *Маслоу А.* Невроз как неудача личностного роста / Психология личности. Хрестоматия. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М., 2008.
- Менский 2005 – *Менский М.Б.* Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175, № 4. С. 414–434.
- Микешина 2008 – *Микешина Л.А.* Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия / Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М., 2008.
- Минделл 2004 – *Минделл А.* Сновидение в бодрствовании. М., 2004.
- Московичи 1998 – *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.
- Мухелишвили 1994 – *Мухелишвили Н.Л.* Психология отношения к нумеральному (личностные характеристики религиозного опыта). Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
- Осгуд и др. 1972 – *Осгуд Ч., Сузи Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Семиотика и искусствознание. М., 1972.
- Павлов 1951 – *Павлов И.П.* Полное собрание сочинений: В 6 т. М., 1951.
- Панов 2007 – *Панов А.Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума. М., 2007.
- Патнэм 2002 – *Патнэм Х.* Разум. Истина. История. М., 2002.
- Пенроуз 2008 – *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008.
- Петренко 1983 – *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко 1988 – *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко 2002 – *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113–121.
- Петренко 2005^a – *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб., 2005.
- Петренко 2005^b – *Петренко В.Ф.* Теория отражения, конструктивизм и интуитивизм как методологические парадигмы психологии / Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Ярославль, 2005. С. 291–307.
- Петренко 2008 – *Петренко В.Ф.* Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М., 2008.
- Петренко, Митина 1997 – *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск, 1997.
- Петровский 2008 – *Петровский В.А.* Петровский Артур Владимирович // Культурно-историческая психология. 2008. №2. С. 112–118.

- Петровский, Ярошевский 1994 – *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1994.
- Поршнева 1972 – *Поршнева Б.Ф.* Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) / История и психология. М., 1972.
- Прибрам 1980 – *Прибрам К.* Языки мозга. М., 1980.
- Рубинштейн 1997 – *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
- Серл 1997 – *Searle J.R.* The Mystery of Consciousness. London, 1997.
- Слобин, Грин 1976 – *Слобин Д., Грин Д.* Психоллингвистика. М., 1976.
- Степин 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- Степин 2003 – *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
- Супрун и др., 2007 – *Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А.* Метаспихология. М., 2007.
- Талбот 2008 – *Талбот М.* Голографическая модель Вселенной. Киев, 2008.
- Тарт 2003 – *Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М., 2003.
- Тойнби 2003 – *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
- Трубников 1987 – *Трубников Н.Н.* Время человеческого бытия. М., 1987.
- Уилбер 2004 – *Уилбер К.* Интегральная психология. М., 2004.
- Улыбина 2008 – *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М., 2008.
- Филмор 1981 – *Филмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
- Франкл 2008 – *Франкл В.* Десять тезисов о личности / Психология личности. Хрестоматия. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М., 2008.
- Фрейдджер, Фейдимен 2008 – *Фрейдджер Р., Фейдимен Дж.* Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб., 2008.
- Хант 2004 – *Хант Г.* О природе сознания. М., 2004.
- Хинтиikka 1980 – *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Чалмерс 1995 – *Chalmers D.J.* Facing up to the problem of consciousness // The Journal of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. № 3. P. 241–255.
- Чуприкова 1985 – *Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. М., 1985.
- Шапарь 2008 – *Шапарь В.Б.* Таинственное и необычное в человеческой психике. М., 2008.
- Шкуратов 1997 – *Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997.
- Шлиц и др. 2007 – *Schlitz M. et al.* Living Deeply. The Art and Science of Transformation in Everyday Life. Oakland, 2007.
- Шмелев 2002 – *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шпенглер 2009 – *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 2009.
- Эверетт 1983 – *Everett H.* “Relative state” formulation of quantum mechanics // Quantum theory and measurement. Ed. J.A. Wheeler and W.H. Zurek. Princeton, 1983.
- Юнг 2003 – *Юнг К.Г.* Синхрония. М., 2003.
- Юнг 2008 – *Юнг К.Г.* Об энергетике души. М., 2008.
- Ярошевский 1983 – *Ярошевский М.Г.* Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 49–62.

Примечания

¹ Создавая себе “оппонентный круг” (термин М.Г. Ярошевского [Ярошевский, 1983]), я выбираю для дискуссии наиболее глубоких и ярких представителей психологической науки с четкой методологической позицией, которую можно оспорить, а не вылых “мыслителей”, имя которым легион и которые имеют не позицию, а скорее плохо осознаваемые и слабо рефлекслируемые установки.

² Не могу удержаться, чтобы не вставить в текст статьи интересную для психолога цитату. “Как пишет Плиний Старший (23–79 гг.) в “Historia naturalis”, люди в огромном большинстве суетливы и легковерны, изобретательны на средства самообмана, вроде фракийцев, которые кладут в урну камешки, различающиеся по цвету, сообразно удаче или неудаче на каждый день, а в момент смерти подводят итог, делают подсчеты, вычисляя, какого цвета камешков было больше, и отсюда выводят общее заключение. Есть ли смысл в таком занятии? Кто знает, не был ли вот этот день, отмеченный белым камешком, началом несчастья для человека?.. Надо же когда-нибудь образумиться, надо сообразить, что о каждом дне можно судить только по следующему дню, а обо всех прожитых днях может произнести приговор только последний из них” (Цит. по: [Трубников 1987, 46]).

³ Другое дело, что существует феномен подпороговой суммации стимула, но и в этом случае суммация слабых раздражителей рано или поздно проявляется как в переживании, так и в поведении.

⁴ Как показали инициированные А.Н. Леонтьевым многочисленные эксперименты В.В. Столина, А.Г. Логвиненко, А.А. Пузыря, В.Ф. Петренко по псевдоскопии и инверсии зрения, значения, опосредующие восприятие, непосредственно вплетены, задействованы в актуалгенезисе строящегося образа.

⁵ Оговорим, что язык мы понимаем в широком семиотическом аспекте, включая в него и язык символов, выразительных движений, мимику, ритуалы, архитектуру и пр., т.е. те формы иконических знаков, которые имеют устойчивое конвенциональное значение.